Павел Бажов

Золотоцветень горы

По нашим заводам исстари такой порядок велся, чтоб дети родительским ремеслом кормились. Так и в нашей семье было. Все мои старшие братья по отцовской дороге пошли, один я на отшибе оказался, стал свою долю в горе искать, да и задержался на этом деле до старости.
Не больно гладко она началась, да и потом косогором с ухабами шла. Теперь вот подшучиваю над своею старухой. Каждый месяц, как деньги ей передаю, непременно скажу:
- Получите, Анисья Петровна, на домашние расходы пенсию, какая по заслугам мужа назначена.
Она, понятно, берет. Ни разу не отказалась и тоже с полным обхождением отвечает:
- Покорно благодарю, Сидор Васильич. Премного довольны.
А когда еще ласковенько этак спросит:
- Табачку-то тебе купить или еще тот не искурил?
- Это, - отвечаю, - какое участие ваше. Ну, старуха у меня не привычна долго-то с обхождением поступать, заершится:
- А такое участие, чтоб того проклятого табачищу вовсе не было. Всю избу прокоптил. До старости дожил, а ума не нажил!
Только мне эта воркотня вроде забавы, для домашнего развлечения. А ведь раньше не то было. Не одно, поди, ведро слез моя женушка пролила, а попреков да покоров в самый большой углевозный короб не вобьешь. Не раз грозилась вовсе уйти от меня. Все, видишь, образумить да усовестить меня хотела, чтоб по-людски жил, работал бы на фабрике либо при каком другом заводском деле находился.
А сколь мы сладко с ней жили, по тому суди, что ни один из моих сыновей и зятьев на мое ремесло не позарился.
Ну, все-таки старуха от меня не ушла, а теперь и грозиться этим перестала. Пятерых ребят мы с ней вырастили и к делу приставили. Пенсию вот получаю. В двух местах по моему показу рудники есть. Один Талышмановский, а другой по моей фамилии произвели. Чуешь? Не зря, выходит, я с малых лет да женатым столько муки от семейных своих принял.
И тем могу похвалиться, что двое моих внучат по моей части пошли. Один еще учится в институте, а другой уж три года как все курсы окончил. Инженер! Со всяким прибором обходиться умеет. Теперь за Благодатью разведки ведет. Недавно приезжал домой, так сказывал, много чего они там нашли.
Известно, грамотные, с приборами идут и целой партией. В день узнают больше, чем мы за годы высмотрим в одиночку-то. И шли мы, почитай, вслепую. Одна надежда на глазок, на слушок да приметы разные. Стариковские сказы тоже не отвергали. От иного и польза бывала. Да вот лучше я сначала расскажу про все это.
В малолетстве я пристрастился рыбешку ловить. Рыболовной снасти в нашем доме не было, а удочку всяк смастерит. Я и занялся с удочкой в те годы, как в школу учиться бегал. Тятя этому не препятствовал: все- таки парнишка не баклуши бьет, а за школу одобрял: "Учись". Потом, как я три класса кончил и похвальный лист принес, тятя этот лист на стенку повесил и другим показывал:
- Сидша наш, гляди-ко, отличился. Бумагу с золотыми каемками ему выдали!
Как прошло с той поры еще года два, родитель стал поварчивать на мое рыболовство:
- Пора к делу приучаться, а ты все со своей удочкой балуешься!
Ну, мамонька меня заслонила:
- Что ты, отец, зря парня беспокоишь? Не сидим без рыбы-то. Вас вон трое на заводе, а получка какая? Кабы Сидша рыбу не носил, сплошь бы всухомятку хлеб жевали. А то приварок есть. Пускай еще сколько порыбачит. На завод успеется.

Так и застояла меня себе на голову. Потом сколько ее отец корил: "Лентяка вырастила". А мне тогда отсрочка вышла, с год еще без покору рыболовил. Большенький стал. Кое-что понял. Жерлицы завел, морды плести и ставить научился. Зимой тоже ловить навык. Рыба у нас всегда была. Случалось, какую рыбку побогаче мать и продавала.

Раз летом забрался я по Полдневской дороге к Чусовой. Река там мелкая, с перекатами, а мне это и надо было, потому на таких перекатах хариус ловится. Постоял долгонько, а толку мало. Вижу, идет какой-то пожилой человек. Одет попросту, походка легкая. Высокий такой и на лицо приметный. Усы реденькие, подбородок тоже чуть волосками прострочен, а под подбородком густой клин седых волос. Брови тоже седые и как-то вразмет пошли. Ровно вот две маленькие птички сидят и крылышки подняли. Одним словом, приметные. Раз увидишь, никогда не забудешь. Идет этот человек и говорит:

- Ты, парень, не ладно примостился. Тень-то твоя на - воду падает, а хариус - рыбка сторожкая. Увидит - отойдет. Ты лучше на ту вон излучину ступай. Там тебе солнышко чуть не в лоб придется, тень на кусты, да и кусты там поближе к берегу, а перекат такой же.

Сказал - и прошел. Мне, по ребячьему делу, дивом показалось: ни о чем не спросил, а посоветовал, будто наперед все узнал. Все-таки послушался этого совета, перешел к перекату, про который он говорил, и живехонько наловил хариусов полную корзинку. Еле до дому донес: тяжело оказалось. Мамонька обрадовалась: "Самая-то господская рыбка. Уважают такую. Побегу-ка, не купят ли". И, верно, целковый ей за корзину дали. Перед отцом мамонька даже похвалилась моей удачей. Показала полученный рубль и говорит:

- Тебе за это два дня у печки жариться, а Сидша в один день столько получил.

- Моя полтина надежная, она на всяк день есть, а эти рубли, которые с водой плывут, - одна заманка для дураков.

После этой удачи повадился я ходить по Полдневской дороге на Чусовую. Хариус всегда на том месте ловился, только все меньше и меньше. Раз опять подошел ко мне этот человек. При ружье, в руке лопата, за поясом каелка. Легонькая, для верхового бою. Подошел, сел покурить. Я ему спасибо за хорошее место сказал, а он советует:

- Не надо на одном перекате ловить. Приметливая эта рыбка. Учует свою убыль, вовсе тут держаться не станет. Ты переходи с переката - на перекат, не жалей ног-то. Одно помни - к солнышку применяться надо, чтоб тень на воду не падала.

- Ты, видно, рыболов? - спрашиваю.

- Рыбачу, когда на ушку понадобится. Больше-то мне не к чему. Одиночкой живу, а летом редко и в избу захожу. В лесу больше.

- Охотничаешь?

- Какая охота с кайлой да лопатой. Ружье это так, для провиянту. По нехоженым дорогам топчусь. Птица там спокойная. Когда и подстрелю на еду. Другое мое дело.

- Старатель, значит? - догадался я.

- Тоже не угадал. Старатель, он к своей дудке пришитый, а я, видишь, брожу да в землю гляжу.

- Что ищешь?

Он усмехнулся и говорит:

- Подожди. Не все сразу. Чей хоть ты, любопытный такой?

Я сказался. Он опять спрашивает:

- Грамотный?

- Школу, - отвечаю, - с похвальным листом окончил.

Он поглядел этак раздумчиво и тоже сказался:

- Мало я ваших фабричных знаю. Старатели да охотники мне знакомее. Эти про Кирила

Талышманова знают, только, поди, позаочь-то мало доброго говорят.
Сказал это - у меня, как говорится, глаза на лоб полезли. Он это видит и говорит с усмешкой:
- Слыхал, видно, про полдневского чертозная? - Он самый и есть. Не испугался?
- Зачем, - говорю, - пугаться. Не маленький, поди-ка.
- Ладно, коли так, а теперь беги-ка на тот перекат да понадергай хариусков. Господская рыбка, уважительная... Мать похвалит.
Я тут прямо спросил:
- Ты, дяденька, как узнал... насчет господской рыбки и что мать похвалила?
Он ласково так на меня уставился и говорит:
- Глазеньки-то у тебя худым еще не замутились, - все через них видно.
И вот, понимаешь, как пришил меня к себе этими словами. Так бы никуда бы от него не ушел, а Кирило Федотыч, наоборот, подгоняет:
- Беги-ка, беги скорей. А то мало рыбы носить станешь, на другую работу тебя пошлют. Большенький ведь... Не увидимся тогда.
С той поры и началась перемена моей жизни. В то лето много раз видел я Кирила Федотыча. Показал он мне свои поисковые ямы. В избе тоже у него побывал. Там у него во всех углах груды руды да камней. Иные камешки в запертом сундуке хранились. Их тоже показал. Мне все это любопытно показалось, а особенно ямы. Одна большая была. Тут у Кирила Федотыча под навислым камнем инструмент всякий был.
- Это, - объяснил Кирило Федотыч, - у меня яма едовая. Камешки на продажу из нее выбираю. Хоть одиночкой живу, а на одежду да обувь надо, на дрова тоже. Зима-то ведь у нас, сам знаешь, долгая. Вот и сбываю из этой ямы камешки, а те у меня поисковые, - узнать только, нет ли там чего полезного человеку. У меня их много нарыто. Которые уж и сам не помню. По записи искать надо. Сказываю о своих находках заводскому начальству, да плохо оно слушает. Когда на золотишко набежишь, за это хватаются. Пустой народ. Об одном у них забота, как бы одночасьем разбогатеть.
- Кому, - спрашиваю, - камешки сдаешь?
- На них, - отвечает, - в городе охотников много. Только я одному сдаю. Старичок один есть. Первейший мастер по огранке и с понятием. Он, видишь, всякие камни берет и после огранки продает, а эти камешки у себя оставляет. Огранит - и в сохранное место. Они, - говорит, - золотоцветню горы родня, их нельзя на пустяковые подвески держать. Хризолитовая особь для большого дела пригодиться может.
- А какой золотоцветень горы?
- Когда-нибудь расскажу и об этом, - пообещал Кирило Федотыч.
Так вот рассказами да показом и приклеил он меня к своему поисковому делу, а когда я сказал дома, что хочу поступить в ученики к Кирилу Федотычу, тятя на меня закричал:
- Из головы выбрось эту дурость! Ты коренного фабричного роду и никуда в другое место не пойдешь. Твой-то Кирило, сказывают, умом повихнулся, а ты к нему в ученики захотел! Чтоб я этого больше не слышал! Завтра же сведу на завод.
А я уперся: - "Не пойду!" Тятя меня с крутого плеча и давай ремнем потчевать. Я как-то вырвался и убежал из дому. Мамонька, понятно, растревожилась. Свара в доме пошла. Кончилось тем, что Кирило Федотыч сам пришел и уговорил как-то отца. Тятя только этак сердито поглядел на меня и укорил мамоньку:
- Любуйся, какого самовольного балука вырастила.
А мне сказал:
- Смотри, Сидко, на меня потом не пеняй, что вовремя не образумил.
С таким родительским наказом я и стал выучеником по поисковому делу.

Кирило Федотыч маленько грамотный был. Книжки у него были. Особо он дорожил одной.
- Это, - говорит, - старинного академика Севергина сочинение. Тут все о камнях и земле, о горючих и металлических существах по правде сказано.
За этой книгой он частенько подолгу сидел, только иной раз жаловался: непонятное есть, и нерусскими буквами иные слова напечатаны. По этой же книге он вел испытание руды и земель.
Учил меня Кирило Федотыч не по книге, а на деле. Собирается где поиски делать, сейчас же расскажет, по каким признакам и приметам он это место выбрал, что думает тут увидеть в первом пласте, во втором, откуда он разглядел эти пласты, пока ямы нет. Когда работу ведем, тоже по порядку рассказывает. За таким, дескать, камешком должны встретиться другие, а за этими - третьи. Первые - следок, вторые - поводок, а третьи-те самые, которые искать задумали.
Летом мы с Кирилом Федотычем по всей заводской даче бродили. Раз как-то сидим на самой вершине горы. Кругом на многие версты видно Кирило Федотыч тут и рассказал мне о золотоцветне горы:
- В иных местах горы под облака ушли, снег на верхушке и летом не тает. Сразу видишь, где вершина, где скат, где подошва. А в нашем краю, видишь, горы мелконькие и все лесом заросли. Те, что покрупнее, хоть имена имеют. Азов вон, Волчиха, в той вон стороне Таганай, а там Благодать, дальше Качканар и другие. Иные опять по выработкам: Хрустальная, Карандашный увал, Тальков камень. Остальные, если путем разобрать, без имен ходят. Чтоб не путаться в дорожках, и эти горки, понятно, называют, только вовсе простенько. Растет сосна - горка Сосновая, по березе - Березовая, по осине - Осиновая, Липовая там, Ельничная, Пихтари, Кедровая, Лиственичная. По подъему тоже различают:
Пологая, Крутая, Остренькая. Перейди в другую заводскую дачу, там тоже Сосновые да Ельничные, Пологие да Остренькие. Одна путанка, а не имена. Когда надо запись о находке сделать, примечаю по речке либо, того лучше, по номерному знаку лесного участка. А все эти горки скопом зовут одним словом - гора.
Оно и правильно, потому как по нашим местам гора может оказаться там, где ее вовсе не ждут. Поселились, к примеру, на ровном будто месте, жили не один десяток годов, а копнул кто-то поглубже в своем огороде, оказалась руда. Первый сорт, мартит! Чуть не цельное железо. Стали добывать и видят: жила не в ту сторону идет, где ближний железный рудник. От другой, значит, горы эта жила. Не по один год из этих огородов по двум улицам мартитовую руду добывали да в завод сдавали, а так и не разобрались, откуда жила пришла. Да что говорить! На что низкое место - болото, а и под ним гора может оказаться. Сколько раз по таким местам мне самому приходилось дорогие камешки добывать! Не от болотной же няши они зародились.
Это я к тому разговоры веду, что вот все эти вершинки, которые видишь, они вроде вешек, а гора сплошной грядой прошла. Недаром ее раньше Поясом земли звали. Пояс и есть. Вишь какой! В длину тысячами верст считают, а сколь он широк и насколько в землю врезался, этого никто толком не знает. В поясах по старине, известно, казну держали. Оттого, может, и нашей горе прозванье досталось. Только, понятно, в таком поясе богатства не счесть.
По этому Поясу земли, говорят, широкая лента украшенья прошла из дорогих камней. Всякие есть, а больше сзелена да ссиня. Изумруды, александриты, аквамарины, аметистики. А по самой середке этой хребтины двойной ряд хризолитов. Видал этот камешек? Помнишь? Он и зеленый и золотистый. Веселый камешек. В сырце, и то любо подержать такой на руке. Так весной да солнышком от него и отдает. Мы эти камешки золотоцветняками зовем.
Только эти камешки мелконькие, а есть большой. Этот зовут золотоцветнем горы. Такого еще мир не видывал. Перед ним все камни, какие из земли добыты, не дороже песку, а то и золы.
Сила этого камня не в том, что за него много денег дадут. Ни у кого и денег не хватит, чтоб его

купить. Перед тем человеком, который усмотрит этот камень, Пояс земли раскроется.
Такой камень, понятно, гора крепко держит. Не одну, поди, сотню лет которые понимающие этот камень подсматривали, - а ничего. Даже следочков к нему не нашли. И то сказать - в одиночку бьются. Много ли один в такой горе за всю жизнь увидит. Заводское начальство со счету сбрось. Эти слепороды дальше своего носа не видят. О том, чтобы раскрыть Пояс земли, у них и думушки не бывало. Иноземные больше про наше богатство пронюхали, подсылают своих, а то и здешних нанимают, у кого стыда нет. Вот хоть северский управитель. На заводской будто службе, а сам каким-то американцам поиск ведет.
Ну, этим, ясное дело, золотоцветень горы не дастся, потому орудуют воровски и жадностью пропитаны насквозь. Чуть что попадется, сейчас же рвать начнут, не до поисков им. Нет, друг, тут другой глаз требуется. Мало того, что он должен быть зоркий, надо еще, чтоб он ни какой корыстью не замутился, не для себя выискивал, а для всего народа.
Рассказал это Кирило Федотыч и добавил:
- Может, и тебе не удастся увидеть, либо хоть дожить до той поры, когда золотоцветень горы увидят, в одном не сомневайся - горы эти еще послужат народу, да и как послужат!
Этот сказ своего учителя по поисковому делу я запомнил на всю жизнь. Сперва, по молодому умишку, сам поглядывал, не откроется ли мне золотоцветень горы. Потом, как в лета вошел, уразумел, что не про таких сложено. Поиски, видишь, вел не безрасчетно, чтоб заработать для себя и для семьи, а когда и вовсе не добывал в ямах старательскую долю. И все- таки этот сказ мне надежду подавал, что не всегда так будет. Тогда, видишь, сильно заговорили, что скудеет наша гора, что скоро тут и добывать нечего будет.
Может, это нарочно плели, чтоб цену на заводы сбить. Тогда, годов так за десять до революции, многие здешние заводы от старых владельцев стали переходить к каким-то обществам, а правители, как на подбор, оказались чужестранные. Видишь это, и неспокойно станет, а вспомнишь сказ, повеселеешь.
В этакую веселую минуту ко мне как-то и подъехал северский управитель.
- Покажи, Климин, места, какие у тебя на примете, я тебе хорошо заплачу.
Я ему, конечно:
- В другую контору заявки даю.
- Это, - говорит, - все едино.
- Кому, - отвечаю, - как, а я на сторону продавать не согласен.
Про мошенство этого управителя я слыхал, и так мне неохота стало заявку сдавать, что не пошел в контору. Так мои разведки впусте и лежали не по один год. Тут война подошла. Пришлось мне там три года пробыть, потом столько же на гражданской, а как пришел домой, там вовсе другая контора. Чермету о своих находках и заявил. Утешно мне это, только все- таки это дело маленькое, а главное в другом. Дождался-таки я, что старый поисковый сказ сбылся.
Сталинский зоркий, заботливый глаз усмотрел среди наших лесов, увалов да старых разработок золотоцветень горы и указал за него взяться.
И Великий Пояс земли раскрылся и показал свои бессчетные богатства на радость трудовому народу, на зависть его врагам.
Всем видно, что наша старая гора теперь живет новой жизнью. Бессчетными огнями новых рудников, шахт и заводов горит и переливается золотоцветень нового Сталинского Урала.